

УДК 94:351.761.1

**К ВОПРОСУ О ПОТРЕБЛЕНИИ АЛКОГОЛЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ
ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ «СУХОГО ЗАКОНА» 1914 ГОДА**

Черных Е.В., Шевченко И.А.

Статья посвящена потреблению алкоголя в русской деревне после введения в 1914 году в России «сухого закона». Главным образом, рассматриваются первые годы (1914-1915) функционирования в стране ограничительных мероприятий по производству и распространению спиртных напитков и их влияние на крестьянство. Делается вывод об отсутствии оснований для утверждения, что в сельской местности сразу же после учреждения «сухого закона» начали широко распространяться суррогаты и продукция самогонварения.

Ключевые слова: сухой закон, самогонварение, суррогаты, винокурение, деревня, крестьянство, пьянство, трезвость, потребление алкоголя.

**ALCOHOL CONSUMPTION IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE
AFTER “DRY LAW” OF 1914 IMPLEMENTATION**

Chernykh E.V., Shevchenko I.A.

The article studies the alcohol consumption in the Russian countryside after the implementation of the “dry law” in 1914. Mainly, the first years (1914-1915) of the restrictive measures for the production and distribution of alcoholic beverages in the country and their impact on the peasantry are considered. It is concluded that there are no grounds for asserting that in rural areas, immediately after the establishment of the “dry law” surrogates and moonshine products began to be widely distributed.

Keywords: dry law, moonshine, surrogates, distilling, village, peasantry, drunkenness, sobriety, alcohol consumption.

Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914-1925 годах»

(грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6).

Потребление алкогольной продукции широкими слоями населения – одна из актуальнейших тем для исследования на протяжении всей истории России. От способов реализации и масштабов потребления спиртного жителями страны зависит не только социально-медицинское состояние населения, но и его экономические возможности.

Эта проблематика особенно хорошо просматривается в первой четверти XX в., когда общество и власть оказались по разным причинам очень восприимчивыми к вопросам трезвости и пьянства. Россия на рубеже XIX-XX столетий согласно официальной статистике занимала 11 место среди европейских стран и США по потреблению абсолютного алкоголя (с учетом всех спиртных напитков) и 9 место по потреблению водки [8, с. 43-44]. Однако внутри страны данная тема воспринималась достаточно остро: ученые, медики, священнослужители, депутаты Государственной Думы нередко заявляли о пьянстве как о народном бедствии, призывая направлять все возможные усилия к исправлению ситуации.

В 1895 г. в Российской империи была введена казенная продажа питей, которая подразумевала передачу монопольного права распространения сорокаградусного вина (водки) в руки государства. Винная монополия должна была упорядочить потребление спиртного народными массами, сделать его домашним и умеренным. В реальности же можно было с уверенностью говорить лишь об увеличении доходов казны от данного предприятия. Российский бюджет стал именоваться «пьяным», состоящим почти на четверть из питейных доходов. А вся эта история стала благодатной темой для критики властей со стороны оппозиционно настроенных политиков и ратующей за отрезвление населения общественности [см.: 3].

Давление разных сил привело к тому, что в 1914 году Николай II заменил сторонника монополии министра финансов В.Н. Коковцова на П.Л. Барка, а затем с началом Первой мировой войны в России были введены ограничительные меры, получившие название «сухого закона». Указом от 17 июля 1914 г. вводилось ограничение продажи алкогольной продукции до 15 августа 1914 г. – на период мобилизации войск [1, с. 130]. Затем положениями Совета министров от 1 и 9 августа и Высочайшим повелением от 22 августа действие запрещения продажи крепких алкогольных напитков было продлено до окончания военных действий [7].

Питейный вопрос в России начала XX в. и в частности «сухой закон» стабильно находятся в фокусе внимания различных исследователей, в особенности – последних десятилетий [3; 4; 9; 10]. В советской историографии данная проблематика, как правило, рассматривалась в контексте изучения общих вопросов социально-экономической истории страны.

Так питейной реформы 1914 года достаточно кратко касается в одном из своих исследований А.М. Анфимов [2]. Его, в первую очередь, интересовали экономические последствия «сухого закона». Вступая в полемику с дореволюционными и эмигрантскими исследователями, писавшими о положительном финансовом эффекте антиалкогольной политики царского правительства для крестьянских хозяйств, Анфимов утверждал обратное. Он отмечал: «Из довоенного расхода крестьян на водку можно было зачислить в доход им только ту часть, которую ранее расходовало на эту цель оставшееся в деревне население. А это были главным образом старики, женщины и дети» [2, с. 243]. Иными словами, советский историк предполагавшуюся экономию средств семейных бюджетов крестьян связывал не с благотельным влиянием «сухого закона», а с мобилизацией на войну миллионов основных потребителей алкоголя – трудоспособных мужчин.

В этом утверждении есть безусловная логика, однако необходимо принимать во внимание то, что мобилизация первых месяцев войны не стала одномоментным изъятием из села всего объема трудоспособного населения.

Этот процесс был более сложным, растянутым во времени, точно нет оснований говорить о том, что деревня опустела, и в ней буквально остались только женщины, дети и глубокие старики. Учитывать нужно и то, что мобилизация не касалась мужчин старше 43 лет.

Кроме того, А.М. Анфимов отмечал, что «с запрещением водки потребление крепких напитков далеко не прекратилось. Только расходы на них шли теперь не в казну, а самогонщикам, продавцам суррогатов, спекулянтам и прочим» [2, с. 243]. Этот момент требует особого обсуждения.

В годы функционирования казенной продажи питей домашнее винокурение в русской деревне было крайне слабо развито. Потребителю было вполне доступно казенное вино, которое к тому же отличалось сравнительно неплохим качеством. В этой связи шинкари – тайные торговцы спиртным – промышляли, как правило, перепродажей вина из государственных лавок, осуществляя свою деятельность в целях получения прибыли в любое время суток, под залог личных вещей покупателей, иногда разбавляя водку различными примесями.

Анфимов полагал, что после введения «сухого закона» «свято место» не осталось пустым, и освободившийся от казенного вина рынок алкогольной продукции стал заполняться продукцией домашнего винокурения, а также различными суррогатами. Ведь спрос всегда рождает предложение.

Однако разобраться с тем, как обстояла ситуация на самом деле, помогает информация, полученная с мест. Земские анкеты и устные опросы населения общественниками дают богатую картину воздействия на сельскую жизнь правительственных антиалкогольных мероприятий, в том числе проливают свет на ситуацию с самогоноварением и распространением суррогатов.

Писатель-народник А.И. Фаресов в 1915 г. совершил путешествие по Воронежской, Орловской, Псковской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерниям с целью выяснения влияния «сухого закона» на крестьянское население. Его беседы с селянами, представителями власти и других сословий легли в основу книги, в которой приводятся разнообразные мнения в

отношении новой социокультурной ситуации. В частности, Фаресов указывал на то, что ему «не приходилось наталкиваться в черноземных губерниях на рост тайного винокурения» [13, с. 189].

Объяснение этого утверждения, видимо, кроется в приведенных в той же книге словах рязанского управляющего губерньских акцизным управлением В.Г. Мартынова: «Население спокойно отнеслось к закрытию винных лавок и многие из них закрыты по инициативе сельских обществ. Это доказывает, что крестьянам нужна водка в известных только случаях, а необходимой потребностью она никогда не была». И в дополнение к этой мысли можно также процитировать: «Водки у мужика как постоянного напитка можно было встретить лишь у весьма зажиточных крестьян или у алкоголиков» [13, с. 11-12].

В этих рассуждениях чиновника есть несомненное здоровое зерно. Известный исследователь питейной проблемы в дореволюционной России В.К. Дмитриев называл потребление алкоголя среди крестьянского населения спорадическим, то есть происходящим нерегулярно, время от времени, как правило, в связи с традиционным форматом празднования выдающихся событий церковной и семейной жизни (свадьбы, престолы и т. п.). С этим были вполне солидарны современники, имевшие возможность пристальнее наблюдать за жизнью деревни.

Иными словами, если согласиться с вышеизложенным, резкое ограничение доступности алкоголя с августа 1914 г. не могло повлечь за собой столь же резкий всплеск самогонварения, поскольку крестьянин как главный покупатель не демонстрировал устойчивой и регулярной потребительской активности.

В то же время идеализировать картину деревенской жизни и говорить об отсутствии в селах времен Первой мировой войны практики домашнего изготовления спиртных напитков нет оснований. Пензенский исследователь Д.Н. Воронов сообщал о подобных фактах в отношении собственной губернии уже относительно осенних месяцев 1914 года. Согласно данным земской

анкеты 60% признавшихся в «нарушении трезвости» употребляли бродильные напитки домашнего изготовления – квас, брагу, пиво. Остальные – различные денатураты, виноградные вина и т.п. [6, с. 48].

Воронов при этом отмечал, что технологии домашнего производства спиртных напитков в деревне к 1914 г. оказались в значительной мере утраченными из-за доступности в последние десятилетия водки и заводского пива, однако население с введением «сухого закона» начало вновь стремиться обрести эти знания. Так в нижегородской земской анкете отмечалось: «Сейчас идут поиски опьяняющего напитка» [6, с. 51]. Автор при этом подчеркивал, что в 1914 г. данный процесс не охватил значительную часть сельского населения, являясь уделом весьма немногих.

Любопытно, что другой современник – врач И.Н. Введенский – сообщал со ссылкой на Министерство земледелия об обнаружении в стране во второй половине 1914 г. 1825 тайных винокуренных заводов (в сельской местности), 160 из которых были «хорошо оборудованы». По его вполне справедливому замечанию, деятельность таких предприятий была напрямую связана с активностью бывших сотрудников винокуренных заводов, оказавшихся безработными после введения «сухого закона» [5, с. 26].

Несколько замечаний необходимо сделать и в отношении распространения в деревнях различных суррогатов: денатурированного спирта, политуры, киндер-бальзама и проч. Современники писали о том, что их потребление охватило довольно широкие городские слои, приводя к различным негативным последствиям для здоровья [см.: 11].

В отношении же деревни наблюдатели выявили вполне логичную закономерность: чем дальше село располагалось от крупных городских центров, тем менее в нем были распространены суррогаты, и наоборот. Так крестьяне Рязанской губернии сообщали, что ханжу (смесь денатурата или политуры с сиропом) у них никто не делает, но иногда ее привозят из Москвы. Причем иногда крестьяне заказывали у своих земляков, работавших «на

господ» в городе, купить в аптеке «синий спирт» [13, с. 30, 45, 72]. Об этом же сообщал и Воронов [6, с. 50-51].

Свидетельства современников описываемых событий указывают на то, что употребление различных спиртосодержащих веществ – удел немногочисленного в селе числа настоящих алкоголиков. Для остального населения «суррогатами» крепкого алкоголя стали другие продукты. С.А. Первушин писал о том, что после введения «сухого закона» существенно возрос спрос на чай и сахар: «В числе других "заместителей" водки земские анкетные исследования указывают на потребление фиалки, кваса, домашнего пива, вина, меда, сладких фруктовых вод и сластей» [12, с. 100-102].

Земские анкеты единогласно сообщают, что со вступлением России в Первую мировую войну улучшилось материальное благосостояние крестьянства, по крайней мере, в 1914–1915 гг. Стали чаще приобретаться товары широкого потребления и продукты питания, ранее считавшиеся роскошью, возросло число вкладов в сберегательные кассы. Современники связывали это с появлением свободных денежных средств, обусловленным «сухим законом».

Заметим, в литературе практически нет упоминаний о развитии самогонарения в это время, наблюдатели и сами селяне сообщают про некоторое распространение суррогатов, а также напитков брожения. Домашнее винокурение активно вошло в быт русской деревни в предреволюционные и революционные годы в связи с усиливающимся состоянием фрустрации населения, инфляции, специфической продовольственной политики властей. В условиях глубочайшего общенационального кризиса самогон стал универсальным средством товарообмена между городом и деревней, о чем писал К.Б. Литвак [см.: 10].

На начальном же этапе Первой мировой войны «сухой закон» привел к сокращению потребления алкоголя в деревне – главным образом, из-за сложившихся за долгие годы крестьянских традиций питья. Алкоголь, как правило, был атрибутом лишь праздничного стола, а в этом случае его

исчезновение жителю села не заметить было легче, чем городскому потребителю, привыкшему к регулярному потреблению. «Со времени запрещения питейной торговли, по единодушным отзывам анкет, свадьбы стали не шумны, кратковременны, малолюдны и неразорительны», – писал Д.Н. Воронов [6, с. 21]. К этому можно добавить статистику, которую приводил С.А. Первушин: «По данным исследования Владимирского губернского земства средняя свадьба стоила раньше около 149-150 руб., теперь – 80 руб., т.е. сбережение 60 руб.» [12, с. 96].

Вряд ли такая свадебная практика стала сразу же типичным явлением крестьянской жизни, однако она говорила о новых набирающих популярность тенденциях, которые в полной мере не смогли проявиться в российской провинции из-за революционных событий 1917 года. Именно эти события не позволили придать законченный вид «сухому закону» – масштабному социально-экономическому эксперименту, не имевшему в то время мировых аналогов.

Список литературы

1. Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // *Российская история*. 2011. № 4. С. 126-139.
2. Анфимов А.М. *Российская деревня в годы Первой мировой войны*. (1914 – февраль 1917 г.). М.: Соцэкгиз, 1962. 383 с.
3. Афанасьев А.Л. *Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907-1914 годы: опыт оздоровления общества*. Томск: ТУСУР, 2007. 195 с.
4. Безгин В.Б. Пьянство и трезвость в жизни русской деревни (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.). // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2001. № 1. С. 142-153.
5. Введенский И.Н. *Опыт принудительной трезвости*. М.: Московское столичное попечительство о народной трезвости, 1915. 44 с.

6. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг.: Государственная типография, 1916. 70 с.
7. Воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи // Правительственный вестник. 1914. № 41. 25 августа. С. 1.
8. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама, 2001. 365 с.
9. Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX века // Вопросы истории. № 9. 2010. С. 85-97.
10. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история 1992. № 4. С. 74-88.
11. Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг.: Российское общество борьбы с алкоголизмом, 1916. 54 с.
12. Первушин С.А. Прекращение продажи питей как один из факторов современной дороговизны // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М.: Общество имени А.И. Чупрова для разработки общественных наук при Императорском Московском университете, 1916. 409 с.
13. Фаресов А.И. Народ без водки (путевые очерки). Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. 310 с.

Сведения об авторах:

Черных Евгений Владимирович – старший научный сотрудник Липецкого областного краеведческого музея (Липецк, Россия).

Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Data about the authors:

Chernykh Evgeny Vladimirovich – Senior Researcher of Lipetsk Regional Museum of Local Lore (Lipetsk, Russia).

Shevchenko Ivan Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences,
Associated Professor of National and General History Department, Lipetsk State
Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

E-mail: 1iash@rambler.ru.